

ПРОБЛЕМЫ

ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2

МОСКВА — МАГНИТОГОРСК
1995

Российская Академия Наук
Институт Археологии

Министерство образования Российской Федерации
Магнитогорский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт

Russian Academy of Sciences
Institute of Archaeology

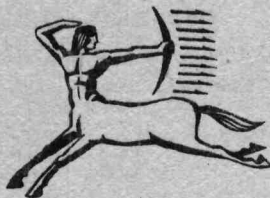
Magnitogorsk State Pedagogical Institute

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL of HISTORICAL, PHILOLOGICAL
and CULTURAL STUDIES

Межвузовский сборник

ВЫПУСК II

Москва—Магнитогорск
1995

Д. А. СУРОВЕНЬ (Екатеринбург)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАННЕРАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЯПОНИИ (I век до н.э. — III век н.э.)

Формирование классового общества и государства в Японии неразрывно связано со сложившейся здесь к IV веку до н.э. культурой яёи и её носителями¹; которых китайские летописи называют вожэнь (яп. вадзин, досл. «люди-карлики»). Первое упоминание о них, содержащееся в «Каталоге гор и морей» (Шань-хай-цзин, цзюань XII, XIV), относится ко времени около III века до н.э. Источник различает южных и северных во (яп. ва, досл. «карлики»), указывая, что и те, и другие находятся в зависимости от государства Янь на северо-востоке Китая (Шань-хай-цзин, цзюань XII). Тесные контакты населения Японских островов с рабовладельческой цивилизацией Китая прослеживаются и по данным археологических раскопок.² Эти контакты обусловили быстрые темпы развития производительных сил во второй половине I тысячелетия до н.э., на базе чего в этот период активно развивается социальная дифференциация и идет процесс становления государства.

Хотя сведения об этих процессах очень скудны, они все же позволяют выявить, что основой организации общества вожэнь была община, базировавшаяся на земельной собственности. Основной экономической ячейкой было хозяй-

ство большой семьи (ко, досл. «двор»), владевшее всеми средствами производства. О переходе земли в ее руки говорит то, что к наиболее тяжким, «небесным грехам», требующим «великого очищения» (о-хараи),³ относится разрушение межей /Норито Великое изгнание (грехов) в последний день месяца минадзуки;⁴ Кодзики, свиток 1, Сусаноо/. Несколько домохозяйств больших семей составляли поселение (мура), первоначально, видимо, являвшееся самостоятельной соседской общиной. Примером подобной общины–мура может служить стоянка Торо (префектура Сидзуока), где обнаружены остатки деревни и рисовых полей III или II веков до н.э.. Поселение представляло собой деревню, разросшуюся с течением времени в общину, состоявшую из 16—50 семей, занимавшихся культивацией риса.⁵ На участке земли, площадью в один квадратный километр, обнаружены ряды межей, проходящие под прямым углом друг к другу. Таким образом, разграничивались рисовые поля, нерегулярные в размере, от 200 до 600 цубо (660—2000 кв.метров).⁶ Подобного рода расположение межей было открыто на стоянке Ямаки (префектура Сидзуока), рисовые поля раскопаны в Хидака (префектура Гумма), Хаттори (префектура Сига) и Хяккэнгава (префектура Окаяма), а также во многих других местах.⁷

Существование межей на рисовых полях в период яёи (IV—III века до н.э.) свидетельствует о возникновении первичного, права владения на заливные поля⁸ при сохранении верховной собственности общины на землю: это право верховной собственности выражается в регулярных переделах земельных наделов внутри соседской общины,⁹ что осуществлялись общинами вплоть до переворота. Тайка (645 год).

Видимо, к I веку до н.э. произошло объединение небольших общин–мура в более крупную территориальную общину (процесс «синойклизма»), которую китайские источники называли «го» (яп. куни).¹⁰

Важным элементом экономической структуры территориальной общины–куни были «священные поля», то есть возделываемые земли, закрепленные общиной в качестве «собственности бога». Подобное явление — «поле бога» или «поле вождя» — типично для территориальной общины периода формирования рабовладельческого общества. Такие поля фиксируются в иньском Китае¹¹, Шумере¹², как «священные пастбища» у арабов–кочевников доисламской Аравии,¹³ на их существование указывают данные этнографии. На предклассовой стадии развития на этих землях сохраняется коллективное хозяйство как материальная база удовлетворения культовых и организационных потребностей коллектива, с формированием классов они становятся базой развития государственного сектора экономики.¹⁴

Данные о «священных полях» в системе куни дошли в основном по общинам Идзумо (область в Западном Хонсю). В «Идзумо-фудоки» говорится о «священных полях» (амэ-но миита) и «священных амбарах» (амэ-но микура) для риса с этих полей (Идзумо-фудоки, уезд Татэнуи, село Кутами), о «полях, (принадлежащих) небу» (ми-сиро-та, досл. «священного владения/священного главы поле») [Идзумо-фудоки, уезд Идзумо, село Митами], упоминаются «священные поля» О-сусанда и О-суса-да [Идзумо-фудоки, уезд Ииси, село Суса] – земли храма бога Сусаноо, севернее этого храма было поселение Мита (досл. «священное, или храмовое поле»)¹⁵; кроме того, упоминаются поля, которые устроила богиня солнца Аматэрасу [Кодзики, свиток 1-й; Kojiki, I, XV]. Можно предполагать, что поля, посвященные Аматэрасу, должны были располагаться на Кюсю — именно там почиталась в период до III века н.э. почиталась Аматэрасу.

Ирригационный характер земледелия определил именно эту форму развития священного коллективного хозяйства. Но в источниках есть намек и на вторую форму хозяйства, связанную с вождем: упоминаются поля (как и в первом случае — тоже поля), которыми О-куни-нуси (митокоро — досл. «священное хозяйство») [Идзумо-фудоки, уезд Нита, село Митокоро] — здесь обращает на себя внимание выражение «как своими», которое говорит о том, что земли эти рассматриваются еще в качестве общинной собственности.

Отношения земельной собственности, сложившиеся в общинах вожэнь, определили пути развития социальной дифференциации. При анализе текстов китайских хроник, описывающих японское общество, четко выделяется несколько социальных групп.

У вожэнь процесс социальной дифференциации проходил на рубеже нашей эры: китайская хроника «Хоу-хань-шу», описывающая события I века до н.э. — II века н.э., сообщает нам: «Мужчины вообще татуируют себе лицо и тело и по величине черт, равно по правой или левой стороне, отличают знатных от низких» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII Во].¹⁶ Сходную информацию дают и другие хроники: «Разрисовка тела в разных владениях (куни — С.Д.) различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая. Почетные (кит. цзунь — досл. «почитаемый благородный; глава, начальник»¹⁷) и низкие (кит. бэй/би¹⁸) также имеют различия» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во;¹⁹ Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С.25а (2б)²⁰] — то есть общинная знать в I веке н.э. уже выделилась настолько, что социальное положение стало отмечаться татуировкой²¹, стало возможным навсегда закрепить за человеком его место в обществе.²² Это же подтверждает следующее сообщение «Хоу-хань-шу»: «Во второе лето правления Гянь-ву [Цзянь-у — С.Д.], 26 по Р.Х. (Чжун-юань) Двор Вэйну прислал посольство с данью и поздравлением. Посланник называл себя Грандом (дафу — С.Д.)...» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII Во]. Термин «дафу» (досл. «великий муж») в Китае обозначал сановника,²³ а в период Хань еще и главу «и» (досл. «город, поселение деревня; уезд, район; владение подданного»), — термин, который переводят как «начальник уезда».²⁴

Но вне зависимости от роли в управлении общинным коллективом в древности везде оба слоя общины (знать и рядовые общинники обладали неотъемлемым правом на землю и сохраняли гражданские права,²⁵ в том числе и гарантию защиты прав личности, что резко отличало экономическое и социальное положение членов общины от положения лиц, не входивших в общинный коллектив. Формирование из этих лиц, лишенных свободного доступа к земле, слоя эксплуатируемых производителей привело к развитию классовой дифференциации в общине.²⁷

Таким образом, при анализе китайских сообщений о вожэнь обнаруживаются следующие социальные группы: первая группа — это знать. Она включает правителей (кит. ван; др.-яп. кими), возглавлявших территориальные общины (кит. го, яп. куни) и их окружение.²⁸ О принадлежности данной социальной группы к общинной знати говорит термин, обозначающий эту группу — о-бито (кит. да-жэнь, тайжэнь — «высокопоставленный человек, сановник, вельможа»²⁹) — «большие люди», так как термином «большие», «великие» традиционно во всех раннеклассовых обществах (в том числе и в Китае) обозначалась знать. Лица этой социальной группы обозначаются и такими, также традиционными для знати титулами как «старшие», «почетные», «знатные» (в источниках — «да» — «большой, старший; влиятельный, знатный»; «цзунь» — «благородный, старший, глава, начальник»³⁰).

Термины, выделяющие вторую группу, тоже традиционны для обозначения рядовых общинников — «низкие» (кит. бэй/би), «низшие дворы» (кит. сяху, яп. гэко), «малые/незнатные/рядовые» (кит. сяо) и т.п.

Как уже отмечалось выше, социальная принадлежность человека к той или иной группе определялась татуировкой. Но татуировка определяла и принадлежность к той или другой общине: «Разрисовка тела в разных владениях (кит. го, яп. куни — *С.Д.*) различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая. Почетные и низкие также имеют различия» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30 Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, Во, С.25а (2б), 8—9]. Текст источника не оставляет никаких сомнений в том, что это два слоя единого общинного коллектива: «Старшие и младшие (или: благородные и низкие — *С.Д.*) имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26б (4а), 2—3].

В разделе о вожэнь в «Вэй-чжи» «большие люди» (кит. тай-жэнь, яп. о-бито) упомянуты трижды [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26а (3б), 9, 1 О; 26б (4а), 8]. Повсюду они противопоставлены «низшим дворам» (кит. сяху, яп. гэко): «При виде вельмож (кит. тайжэнь — *С.Д.*) в качестве почтения только хватает руки, чтобы должным образом коленопреклоненно приветствовать» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во] — таким образом им оказывалось особое уважение.³¹ В другом случае: «простой народ (кит. сяху, яп. гэко — *С.Д.*), встретившись на дороге с вельможей (кит. тайжэнь — *С.Д.*), уклоняется в нерешительности и уходит в траву скрываться» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во], то есть «гэко» чувствовали свое более низкое положение, что вызывало неуверенность в себе и желание не сталкиваться лишним раз с более привилегированным человеком. В третьем случае: «По обычаю, государственные вельможи [досл. «большие люди общины» — кит. го-дажэнь, яп. куни(-но) о-бито — *С.Д.*] все [кит. цзе, яп. мина — *С.Д.*] имеют 4—5 жен бедные дворы [гэко — *С.Д.*] — 2—3 жен» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30 Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30; С.26а (3б), 10; 26б (4а), 1] (именно жен (кит. фу), а не наложниц). Сходную информацию содержит «Хоу-хань-шу»: «Много девушек, и знатные имеют по четыре и по пяти жен, а другие по две и по три» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)] — то есть у вожэнь существовала социальная полигамия. Причем бином «большие люди» общины/владения (кит. го-тайжэнь), когда речь идет о количестве жен, в тексте «Вэй-чжи» оформлен знаком «все» (кит. цзэ), а бином «низшие дворы» такого знака перед собой не имеет; последнее может указывать на то, что не все рядовые общинники имели даже 2–3-х жен.

Как совершенно верно указывает М.В.Воробьев, речь, в данном случае, идет о классовой дифференциации³² — в «Вэй-чжи» эти «большие люди» богаты и знатны, а «низшие дворы» — нет.

Кроме того, если судить по тексту «Вэй-чжи», среди знати так же существовала определенная социальная иерархия: можно выделить местную общинную знать — «больших людей» поселений (кит. го-и, яп. кокую — досл. «поселение общины-государства»); и «большие люди» владений (территориальных общин — кит. го, яп. куни) — ближайшее окружение при правителе (кит. ван), обладатели должностных званий.³³ Они не включали в свои ряды «больших людей» поселений.³⁴

Несколько сложнее анализ социального содержания двух терминов источников, используемых для обозначения зависимых лиц: это «нухи» (кит. нуби) и «сэйко» (кит. шэнкоу).

О происхождении первой категории (нухи — досл. «рабыня, служанка; раб и рабыня, слуги) известно только то, что это было мерой наказания за некоторые преступления для семьи преступника: «Что касается нарушителей закона [фаньфа — *С.Д.*], то у легких преступников берут в казну [кит. мэй — *С.Д.*] их жен и детей...» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]; «...у преступников отбирают жену с детьми в неволю» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)]. Частично, вероятно, это могли быть военнопленные.³⁵

О сфере применения труда рабынь (кит. би, яп. хи) известно следующее: «При ней [Бимиху — *С.Д.*] было около 1000 прислужниц [кит. бэй/би, яп. хи — *С.Д.*]...» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху]; «Её [Бимиху — *С.Д.*] обслуживали тысячи прислужниц [кит. бэй/ би, яп. хи — *С.Д.*]» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Бимиху; Вэй-чжи (вожэнь-пу), цзюань 30, С. 27а (4б), 3]. Кроме того: «Вследствии кончины Бимиху соорудили большую насыпь [кит. да-чжун — *С.Д.*] из 100 с лишком шагов в поперечнике [досл. «в диаметре (цзин) — *С.Д.*], в могиле совместно положили погребенных рабов [кит. нуби — *С.Д.*], было сто с лишком человек» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 год; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 28б (6а), 5—6]. Китайский термин «нуби», употребленный в последнем случае, может означать как и «рабынь-служанок», так и «рабов и рабынь». Использование рабынь (кит. бэй/би) в качестве прислуги, совместное погребение, и само значение терминов «би», «ну», «нуби», имеющих оттенок «рабы-слуги», указывают на то, что скорее всего, данная категория зависимого населения являлась, в основном, категорией «рабов-слуг», использовавшихся в домашнем (дворцовом) хозяйстве.

О второй категории (кит. шэнкоу, яп. сэйко), судя по содержанию термина (досл. «живые рты»), без сомнения можно сказать о их происхождении из пленных.³⁶ «Шэнкоу» упоминается один раз в «Хоу-хань-шу», когда правитель-предводитель страны Во (Во-го-ван-шуай) в 107 году прислал к китайскому двору 160 пленников — «шэнкоу» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, 107 год]. Аналогичные подношения делала Бимиху (в 238/239 году — четырех мужчин-«шэнкоу» шесть женщин-«шэнкоу»; и в 243 год — подарены «шэнкоу») и её преемница Июй (в 247 году — 30 мужчин и женщин «шэнкоу») [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. I 30, Во, 238, 243, 247 г.]. Примечательно, что китайские авторы терминологически различают «нуби» и «шэнкоу» и никогда их не смешивают: если «нуби» и «би» упоминаются в связи с прислуживанием, то «шэнкоу» упоминаются при дарениях.

Хотя термин «шэнкоу» (яп. сэйко) имеет значение «пленник»³⁷, исследователи обычно переводят это слово как «раб/рабы»,³⁸ но при этом указывают, что «шэнкоу» находились на особом положении и, видимо, не являлись сородича общинников, а также то, что «шэнкоу» не превращали в настоящих рабов.³⁹

Если учесть данные замечания и, кроме того, использовать данные общее находившихся на такой же стадии развития, можно предположить следующий характер различия между двумя категориями зависимых: «нуби» — это рабы, то есть лица, юридический статус которых — собственность (объекты права), «шэнкоу» — люди, с юридической точки зрения не являющиеся собственностью (не объекты, а субъекты права), то есть в правовом отношении — лично свободные (юридически свободные, не следует путать данный правовой аспект с социально-экономической зависимостью), но с ограниченной свободой передвижения — поэтому они «пленники» (или потому что они «пленники»). Но будучи чужаками, иноплеменниками, иноземцами, они не входят в общинный коллектив, а потому юридически бесправны (так как в древности только община гарантировала

защиту прав своего члена) и находятся в полной зависимости от правителя общины. Известные из источников факты, когда «шэнкоу» посылались в дар китайскому императору [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 107 год; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238, 243, 247 годы], не препятствуют такому толкованию их статуса, так как факты принесения дани лично свободными людьми также известны в истории.⁴⁰

Каким бы образом ни решалась проблема социального статуса «шэнкоу» (рабы или бесправные свободные), обе категории — «нуби» и «шэнкоу» — не входят в коллектив общины (они не являются общинниками) — это определяющая черта их положения.

Таким образом, можно констатировать, что в обществе вожэнь I—III веков н.э. четко фиксируются три социальные категории (чье общественное положение отмечалось татуировкой): общинная знать, рядовые общинники и лица, не входившие в общину. Подобное социальное деление характерно для древних рабовладельческих обществ и, поэтому, как раз и является тем, что говорит о рабовладельческом характере этого общества вожэнь, так как дает возможность доказать развитие основных черт, характеризующих социально-экономическую структуру рабовладельческой формации.⁴¹

Современные представления о социальной структуре рабовладельческого общества выглядят следующим образом: она представляет собой не двучленное (рабы и рабовладельцы), а сложное образование, включающее дифференциацию на три сословия (по правовому признаку: свободные члены общины — полноправные свободные; несвободные — рабы); и три класса (по социально-экономическим признакам: эксплуататоры; свободные мелкие неэксплуатируемые производители; эксплуатируемые производители).⁴²

Если мы рассмотрим общество вожэнь, то увидим следующую картину: в результате сословной дифференциации складывается сословие полноправных свободных (членов общины: общинной знати и рядовых общинников), сословие несвободных (рабов—«нуби») и, вероятно, сословие бесправных свободных («шэнкоу»); в результате классовой дифференциации идет формирование типичной для рабовладельческого общества структуры трех классов — эксплуатируемых производителей (из лиц, не входивших в общину — «нуби» и «шэнкоу»); не эксплуатируемых мелких собственников—производителей (из рядовых общинников — «сяху/гэко») и эксплуататоров (из общинной знати — «дажэнь/тайжэнь», «цзунь»).

С общинной организацией связано было и становление аппарата государственной власти. Этот процесс развивался по двум направлениям: трансформации системы общинного самоуправления в государственные органы и возникновения административного аппарата правителя.

Соседская община решала свои дела на общей сходке всего взрослого населения (или равных между собой воинов). В «Кодзики» шесть раз упоминаются общинные собрания [Кодзики, свиток 1-й; Kojiki, I; XVI, XVII, XXX, XXXI, XXXII], но память о них оказалась настолько слаба, что сохранилась только в мифах «эры богов» (дзиндай), повествующих о том, как «восемьсот мириад божеств» [Кодзики, свиток 1-й; Kojiki, I; XVI] собираются на совет. Значение совета в тот древний период нашло отражение в том, что идея совета персонифицировалась в «божестве совета»⁴⁴ — Божества-Мысли-Содержателя (Омо[х]и-канэ-но ками) [Кодзики, свиток 1-й; Kojiki, I; XVI].

Обычно детальное рассмотрение дел общины поручалось совету старейшин — наиболее опытным представителям отдельных «домов» (чаще всего главам больших семей), считавшихся равными между собой (хотя могли различаться «старшие» и «младшие» домовые общины и т.п.). Собрание общинников по большей части только одобряло принятое советом решение. Она же — а чаще совет — выбирала и вождя общины в качестве главы общинного ополчения на войне и в качестве представителя общины перед непознанными силами мира, персонифицированными в виде богов.⁴⁵

В мифах и легендах, содержащихся в японских источниках, есть несколько персонажей, выступающих как вожди отдельных общин: Сусаноо — видимо, глава переселенцев из Кореи — предков идзумо [Кодзика, свиток 1-й, Сусаноо; Kojiki, I; XVIII—XXIX; Идзумо-фудоки, уезд Оу]; его сын Ивасака-хико [Идзумо-фудоки, уезд Анка, село Этомо]; Яцука-мидзу-омицуно, занимавшийся расширением территории Идзумо (куни-бики, досл. «подтягивание/внешних/земель») [Идзумо-фудоки, уезд Оу]; О-куни-нуси — вождь Идзумо, персонаж легенда об «уступке земель» (куни-юдзури, можно перевести еще как «уступка общин-куни»), вторым действующим лицом которой был Ниниги — глава этногруппы тэнсон — предков народности вождь [Кодзика, свиток 1-й, Ниниги; Kojiki, I; XXX—XXXIII; Идзумо-фудоки, уезды Охара и Оу, Нихон-сёки, свиток 2-й, Ниниги; Nihongi, II].

Развивающиеся тесные контакты и борьба между общинами способствовали появлению престижного фактора, произведенный в «священном хозяйстве» продукт начал расходоваться на престижные цели: во-первых, возведение храмовых сооружений (вероятно, в это время появляются храмы древнейшего типа — на сваях, имеющие такую же архитектуру, как и амбары); во-вторых, расходование коллективного продукта на создание более богатого, более значительного жилища вождя, в котором сосредоточены и предметы роскоши, убранство, украшения, одежда и т.п. (древние дворцы не отличались от храмов и амбаров своей архитектурой, примечательно, что «мия» означало и «синтоистский храм» и «дворец»⁴⁶). Вид вождя резко отличал его от основной массы общинников. Со второй половины среднего яёи (с конца II — начала I веков до н.э.) вождей в начинают хоронить в двойной погребальной урне⁴⁷, вместе с ними клали бронзовые зеркала, кинжалы и другое оружие (в том числе из Кореи), различные украшения. Но хоронили вождей на общем кладбище⁴⁸. Им принадлежали «жезлы вождей» (каменные палицы «сэкибо»), «магатама» (досл. «изогнутая драгоценность» — яшма — один из символов власти), каменные мечи.⁴⁹

Около первого века нашей эры в Северном Кюсю сложился тройной ритуальный комплекс⁵⁰; меч, зеркало, яшмовые подвески «магатама» — знаки верховной власти, которые, якобы, достались предкам императорского дома Японии от богини Аматэрасу [Кодзика, свиток 1-й, Ниниги; Kojiki, I, XXXIII; Нихон-сёки, свиток 2-й, Ниниги; Nihongi, II]. Первоначально эти три регалии были амулетами, служившими для защиты особы правителя.⁵¹

Многие исследователи рассматривают все эти явления как признак значительной имущественной дифференциации, как появление эксплуатации знатью общинников⁵², с чем нельзя согласиться, так как, как члены общины, рядовые общинники обладают такими же, как и знать, правами на землю⁵³. Потребление продукта «священного хозяйства» направлено на удовлетворение общих потребностей коллектива, в том числе и престижных, так как чем богаче вождь, тем выше авторитет общины, хозяйство вождя — это лицо общины⁵⁴.

Первоначально функции управления являлись еще почетной обязанностью. Разделение труда шло по линии появления особых функций, привилегий и обязанностей перед общинным коллективом⁵⁵. Возникает комплекс прав и обязанностей, включавших как обязательные – жреческие функции. Исследователи отмечают сильный жреческий характер обществ яёи⁵⁶.

Вождь общины был лицом обязательно самым авторитетным – к нему обращались за разрешением конфликтов. Вождь выполнял экономические, военные, жреческие и судебские функции.⁵⁷ Развитие этой должности вело к тому, что в общине складываются предпосылки возникновения монархической власти (то есть принципа неразделенности власти). Экономической базой этого процесса служили «священные хозяйства», таким образом в руках вождя концентрируются средства производства как материальная база реализации его функций управления.⁵⁸

Для выполнения этих функций вожди начинают формирование из слоя неполноправных свободных административного аппарата, не связанного происхождением с органами управления самой общины. Это дает возможность, опираясь на него, возвыситься над общиной, поставить под свой контроль её органы управления. Но ввиду того, что община выполняет политические функции (связанные с защитой собственности и так называемую функцию принуждения) и функцию регулирования внутриобщинных поземельных отношений, она всегда сохраняет свои органы управления вне зависимости от того, является она суверенной или входит составной частью в более крупное государство.⁵⁹

формировавшаяся на протяжении IV—I веков до н.э. территориальная община *куни* была первым типом государства, которое возникает в раннеклассовый период — гражданской общиной (общиной–государством).⁶⁰ Для этого типа государства характерно отсутствие еще особого аппарата принуждения, функцию принуждения по отношению к эксплуатируемому производителю выполняет община в целом,⁶¹ так как существование самой общины лишало всех, кто не входил в нее, свободного доступа к основному средству производства — земле и ставило в бесправное положение, потому что в этот период только община могла гарантировать человеку защиту его интересов.⁶²

В Японии гражданские общины (*куни*) впервые возникли на рубеже нашей эры на острове Кюсю «всего... около ста владений» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)], в которых к этому времени уже утвердилась наследственная власть правителя, что и фиксирует китайская династийная хроника: «Каждый владетель называл себя государем — Ван и из колена в колена передавал престол» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)].⁶³ Мощь этих владений была уже такова, что к 14 году н.э. вождь сумели организовать военную экспедицию в Силла (государство на Корейском полуострове) на более 100 военных кораблях, для отражения которой правителю корейского государства пришлось отправить лучшие войска шести округов (*лу*) [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 1, Намхэ, 11-й год прав., (14 г.); /Самкук-саги, Силлаги, С. 39, 9—10].

Утверждение монархии шло в борьбе отдельных родов за власть, за должность правителя. На Кюсю такая борьба дважды вылилась в военные столкновения: в третьей четверти II века н.э. и в 247 году н.э. [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 147—190 годы; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 год]. Одновременно более сильные из общин претендовали на положение гегемона, стремясь закрепить свои притязания признанием Китая. Китайская «Срединная империя» уже с I тысячелетия до н.э. играла на Дальнем Востоке роль своеобразного регулятора, определяя положение племенных вождей и мелких государей между собой и собствен-

ное отношение к ним путем наделения их особыми титулами. Ко II веку н.э. более тридцати японских общин установили отношения с рабовладельческим Китаем — с императорами династии восточная Хань [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)], но названия ни одной из этих общин не сохранилось.⁶⁴ В китайских источниках сохранилось подробное свидетельство только о двух посольствах вожэнь к Хань, прибывших в столицу Китая — в Лоян (в отличие от более ранних посольств, прибывавших в китайское владение в Корее — в Лолан). В источниках содержатся следующие сведения: вскоре после прихода к власти Восточной (Поздней) династии Хань «...в начале годов правления Цзянь-у [25—56 годы — С.Д.] [восточные иноземцы (дунъи) — С.Д.] снова пришли и принесли дань. В это время ляодунский губернатор Ци Тунь-му устранил величием /Китая — С.Д./ северную сторону. Слава о [нем] дошла за море. Тогда Вэймо [владение в Корее — С.Д.], Во (Япония), Хань (Южная Корея) за 10000 ли представились ко двору с приношениями» [Хоу-хань-шу, гл. 115 (Дун-и). С.1а—3б].⁶⁵ По-видимому, это первое посольство от вожэнь к Восточной Хань принадлежало гражданской общине На (кит. Ну)⁶⁶, о чем ясно говорится в этой же летописи в разделе о вожэнь: «Во второе лето правления Гянь-ву [Цзянь-у, 25—56 годы — С.Д.], 26 по Р.Х. (Чжун-юань). Двор Вэйну (японский) прислал посольство с данью и поздравлением [вероятно, по поводу восстановления династии Хань — С.Д.]. Посланник называл себя Грандом [кит. дафу — С.Д.] с самого южного конца Японии. Гуан-ву [-ди] [император Гуан-у-ди, 25—58 годы — С.Д.] пожаловал печать с кистями» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 26 год; см. также: Суй-шу, гл. 81, V, 25—56 годы⁶⁷]. Эта золотая печать была найдена в 1784 году на острове Сига (около г. Фукуока на Северном Кюсю⁶⁸). Данная печать относилась к категории печатей «инь», выдаваемых самостоятельным правителям.⁶⁹ На ней было написано «хань-вэй-ну-го-ван»⁷⁰, эти пять иероглифов можно перевести следующим образом: «[Император] Хань назначает на должность правителя (*ван*) владения (государства) Ну (кит. Ну-го, яп. На-куни)».

Второе из описанных в «Хоу-хань-шу» посольств отбыло из государства именуемого просто «Японское государство (-община)» (кит. Во-го, яп. Ва-куни) «При Ань-ди, в первое лето правления Юн-чу, 107, государь-предводитель страны Японии [Во-го-ван-шуай — С.Д.], вступив на престол (шэн-дэн),⁷¹ представил 160 пленников [кит. «шэнкоу» — С.Д.]. Они просили представиться государю» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 107 г.]. Если проанализировать материал, связанный с правлением этого вана-предводителя, о борьбе за престол после его смерти в «Хоу-хань-шу»: «В царствование государей Сюань-ди и Лин-ди, 147—190, в Японии происходили великие замешательства; вели междоусобную войну, и сряду лет не имели государя. Нашлась одна девица, по имени Бимиху...» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 147—190 годы] и сравнить с подобным материалом в «Вэй-чжи»: «В этой стране первоначально мужчину сделали государем; он прожил 70—80 лет. Япония пришла в смятение, сражались друг с другом годами. Затем совместно поставили одну девицу государем. Она звалась Бимиху...» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во-го; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26б (4а), 10—27а (4б), 1], то становится ясно, что материал относится скорее всего к общине Ематай (Яматай), так как именно в Ематай находилась резиденция Бимиху.

Ну-го и Во-го контролировали пути, связывающие Японские острова с материком, по-видимому, имели что-то вроде монополии на внешние сношения с континентом и пользовались преобладающим влиянием на Кюсю. Это были по тем временам и местам сильные владения. Если не считать посольства Когурё

(северокорейского государства) в 32 году, ни одно владение Кореи в это время, видимо, не посылало подневольных людей в Китай.⁷² О силе владений вожэнь говорило и то, что в 73 году «Люди Вэ [Японии — С.Д.] напали на остров Мокчхульто, поэтому ван направил каккана Уо, чтобы отразить их, но Уо не одолел их и погиб» [Самкук-саги, летописи Силла, кн.1, Тхальхэ, 17-й год прав., (73 год); Самкук-саги, Силлаги, С. 49, 4]; видимо, набеги японцев были столь грозны, что в 122 году в Силла «среди жителей столицы (распространился) ложный слух о прибытии в большом числе войска японцев и началось паническое бегство в горы. Поэтому ван приказал ичхану И-чжону и другим разъяснить народу [правду] для прекращения этого» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 1, исагым Гима, 11-й год прав., (122 год)].

Очевидно, в начале II века китайцы уже видели, какая из общин Кюсю имела наиболее сильные позиции в этом регионе — это отразилось на ранге титулов, полученных правителем Ну-го — «правитель (ван) общины (-государства) Ну», и правителем «Во-го» — «государь-предводитель (ван-шуай) японской страны (страны Япония)». Может быть, «ван-шуай» уже возглавлял какой-нибудь военный или политический союз вожэнь.⁷³ Само же титулование «ваном», то есть правителем рангом ниже императора, принципиально отличалось от других почетных званий, так как титул «ван» в то время имели только правители Чосона, Пуё, Чингука, Силла, Пэкче и Когурё среди государей «дуньи».

Правильность анализа политической ситуации на Северном Кюсю, сделанного китайцами, подтвердили дальнейшие события.

Как мы уже сказали, в 107 году правитель какой-то общины вожэнь (видимо, Ематай) вступил на престол, в связи с чем послал «дань» (подарки) ханьскому императору Ань-ди, прося аудиенции [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 107 год]. Скорее всего, он же в 123 году, весной, в третьем месяце, заключил мир с Силла [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 1, исагым Гима, 12-й год прав., (123 год); Самкук-саги, Силлаги, С. 58, 10]. Основанием для подобного утверждения может быть то, что община «государя-предводителя», являясь гегемоном на Северном Кюсю, выступала представителем вожэнь в Китае. Вероятно, об этом государе говорит «Вэй-чжи»⁷⁴: «В этой стране первоначально мужчину сделали государем; он прожил 70—80 лет» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 10]. После его смерти началась борьба за пост главы данного владения, так как в «царствование государей Сюань-ди и Лин-ди, 147—190, в Японии [во-го — С.Д.] происходили великие замешательства; вели междоусобную войну, и сряду несколько лет не имели государя» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), 147—190 годы]; «Япония пришла в смятение, сражались друг с другом годами» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во; Вэй-чжи(-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 10—27а (4б). 1] «При государях Сюань-ди и Лин-ди, 147—190, открылись в сем государстве великие замешательства и междоусобная война» [Суй-шу, гл.81, V(Во-го)]. Точная дата смерти «государя-предводителя» неизвестна, но можно приблизительно установить время этой многолетней войны, опираясь на корейский источник: в 158 году (скорее всего, когда Япония находилась в состоянии мира) в Силла приезжало посольство от вожэнь, следующее же посольство 173 года, летом, в пятом месяце, было от «правительницы Вэ Бимиху» (Вэ-нё-ван Бимиху) [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Адалла, 5-й год прав., (158 год), 20-й год прав., (173 год); Самкук-саги, Силлаги, С.68, 6] то есть война шла в период между 158—173 годами⁷⁵ (См.: [Цзинь-шу, гл. 97, Во-жэнь]).

Исследователи считают, что эти столкновения привели к тому, что на части территории Кюсю установилось более крупное объединение с центром в Ематай⁷ — одной из гражданских общин около северо-западного побережья Кюсю, так как китайская летопись о периоде II века н.э. сообщает: «Главный японский государь живет в княжестве [кит. го — *С.Д.*] Ематай» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VII (Во)]. Результатом этой войны, кроме того, очевидно, явилось резкое сокращение числа «куни»⁷⁷.

После завершения войны на престол нового политического объединения, как сообщают источники, была избрана «девица по имени Бимику. Она была в летах, но не выходила замуж; занималась колдовством и могла обольщать народ чудесами; почему с общего согласия поставили ее государем [ван — *С.Д.*]» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)]; «Затем совместно поставили одну девицу [кит. нуй-цзы — *С.Д.*] государем [кит. ван — *С.Д.*]. Она звалась Бимику, служила учению духов [кит. гуй-дао — черная магия, колдовство⁷⁸ — *С.Д.*], могла вводить в заблуждение народ (хо-чжун). Летами она была уже взрослая, мужа не имела» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; см. также: Суй-шу, гл. 81, V (Во-го); Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 27а (4б), 1—2]. «Тогда поставили государем девушку. Она звалась Бимику. Она была из дома внука Пин-гуна»⁷⁹ [Цзинь-шу, гл. 97, Во-жэнь]. По всей видимости, Бимику была жрицей культа, впоследствии получившего название «синто» — именно так трактуют исследователи термин источника «гуй-дао»⁸⁰ и в подтверждение переводят имя Бимику как «хи-мико» (досл. «жрица солнца», где «мико» означает жрицу при синтоистском храме). Другой вариант: «химэ-ко» («принцесса», «княжна»).

Возникшее объединение — Нюй-ван-го (досл. «Страна государя»⁸¹ — женщины»), как его называют китайские источники, имело скорее характер федерации, в которой более слабые государственные образования были обязаны военной помощью более сильному центральному государству. На западе в эту федерацию входили Дуйма-го (яп. Тайба-куни) — остров Цусима; и ближе к Кюсю — И-да-го (яп. Ити-дай-куни — досл. «Одна большая община») — остров Ики. На побережье северо-западного Кюсю находились общины Мо-гу (яп. Мацу-куни) и Иду-го (яп. Ито-куни). Эти четыре государства имели особое положение в Нюй-ван-го, что подтверждается как количеством материала о них в китайских хрониках, так и фразой: «Имеют ванов» [Вэй-чжи- (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 24а (1б), 9]. Эта фраза помещена в разделе об Иду-го. Но эта фраза мало подходит к одному Иду-го хотя и помещены в отрывке об этом владении. В «Вэй-люэ» эта фраза звучит иначе: «Все правители этих стран подвластны [стране] правительницы» — и относятся только к Цусима, Ики и Мацу-го⁸². В «Вэй-чжи»: «Имеют ванов. Все объединены и подвластны Нюй-ван-го» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 24а (2б), 9] — фраза может быть отнесена к Цусима, Ики, Мацу-го, Ито и даже Куя (владение в Южной Корее, которое в «Вэй-чжи» названо «находящимся на северном побережье Японии»). Ясность в вопрос о правителе Иду-го вносит другая фраза «Вэй-чжи»: «В этом владении имеется наподобие «цы-ши» (начальника округа) правитель (ван)» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26б (4а), 5—6].

В Нюй-ван-го входили также (Вэй-) Ну-го (яп. На-куни) — та самая община, правитель которой получил от императора династии Хань Гуан-У-ди золотую печать; Буми-го (яп. Фуми-куни) и Тоума-го (яп. Тома-куни, или Цума-куни). Характер повествования о них в источнике наводит на мысль, что они рассматриваются только как административные территории, потерявшие ранг общин, имевших своих наследственных правителей⁸³ — ванов. В древности общины, вошедшие в состав какого-либо объединения и потерявшие политическую само-

стоятельность, тем не менее сохранялись и продолжали существовать, практически, в тех же границах, но уже как низовые территориальные единицы, сохранявшие внутренние права самоуправления и прежние органы управления общины, которые становились органами низшей административной власти.

Кроме того, китайская хроника говорит о существовании еще двадцати общин, расположенных к северу от ставки правительницы, на территориях от Ематай до общины Ну-го (Ематай — на юг от Иду-го, Ну-го — на юго-восток от Иду-го), которые только перечисляются: «К северу от страны государя-женщины численность дворов и расстояние можно описать лишь кратко» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), С. 246 (2а), 5—6]. По-видимому, китайцы знали о них только потому, что Нюй-ван-го контролировало эти общины. «Хоу-хань-шу» сообщает о существовании «городов» (поселений с укреплениями по периметру): «Имеют города [обнесенные стеной] и окружают тыном дома» (пер. Н.В.Кюнера) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)], что является подтверждением того, что в структуру Нюй-ван-го входили более мелкие общины, так как в древности город (или поселение) всегда был центром общины. На Северном Кюсю развалины крепостей тех времен сохранились до наших дней,⁸⁴ они представлены небольшими каменными стенами.

Резиденция правительницы Бимиху находилась в главном владении страны — Ематай: «На юг достигаешь страны Ематай, где находится резиденция (кит. ду — С.Д.) государя-женщины (Нюй-ван)», — самом многочисленном по числу дворов (70000) и, вероятно, самом крупном территориально [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йематай]. Сама Бимиху жила во дворце «с башнями и павильонами; стены и палисады были строго устроены. Постоянно были вооруженные люди, несшие караул» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во]. «Дворцовые помещения, где [она] постоянно жила, башни (наблюдательные вышки) и терема (башенки), крепостные стены и палисады (укрепления) [были] крепко устроены. Постоянно были люди с оружием, несущие караул» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 27а (4б), 4—5]; «дворцовые помещения, где пребывала [государыня], башни и терема, стены и палисады окружены были караулами» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху]. О характере правления Бимиху сообщается следующее: «Законы и обыкновения были строги» [Хоу-хань-шу, гл.115, VIII(Во), Бимиху]. Источники сообщают, что Бимиху жила затворницей, причем объяснить это можно только её ролью жрицы (что требовало запретов, воздержания и религиозного очищения⁸⁵): «При ней было около 1000 прислужниц [кит. би — С.Д.], но редкие из них видали ее. Был один мужчина, который подавал ей платье и пищу; передавал приказания» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху]. Судя по «Вэй-чжи», реально страной управляла не она сама, а ее брат, вероятно, вместе с тем человеком, который осуществлял связь с жрицей-затворницей: «Летами она была уже взрослая, мужа не имела. Был мужчина [младший] брат, он помогал управлять страной. С тех пор как она стала государем, мало было видевших ее. Ее обслуживали тысячи прислужниц [би — С.Д.]. Был только один мужчина, он давал ей пить и есть, передавал её слова, выходил [из дворца] и входил [в него]» [Сань-го-чжи, гл. 30, Во, Бимиху; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 27а (4б), 2—4]. В истории государств мы не знаем других примеров, когда у власти стояла бы женская династия. Вероятно, положение Бимиху было обусловлено какими-то соглашениями и традициями⁸⁶, которые складывались, устанавливались в ситуации «совместного выдвижения» правителя или правительницы. Хотя Бимиху была источником права управлять, она реально не осуществляла непосредственного руководства делами⁸⁷. Ситуация с Бимиху не является уникальной для Японии.

Как считают исследователи, она отражала, фактически, общую практику того времени среди глав кланов⁸⁸. На островах Рюкю в древности правитель—мужчина выполнял экономические и военные функции, а его сестра — шаманские, то есть существовало разделение административно-хозяйственных и религиозных функций.⁸⁹

Такую ситуацию с властью можно объяснить и исходя из закономерностей формирования государств на Древнем Востоке, где матрилинейный принцип наследования⁹⁰ власти известен в Египте и в раннем периоде Хеттского государства. Исследуя этот вопрос, Г.И.Довгяло⁹¹ доказывает, что такое положение складывалось в связи с борьбой за власть между знатью и царским домом.

Судя по источникам, женщины—государи в этих японских государствах выполняли функцию не столько правителя, сколько жреческую, и, вместе с тем, были олицетворением государства. Тем более что в обществе Кюсю, как считают исследователи, сохранялся матрилинейный род («томо»)⁹². Ведущее место женщин—жриц, возможно, объясняется и тем, что покровительницей рода правителей выступало женское божество солнца, видимо, Аматэрасу, так как именно вожань принесли с собой миф о ней на Кюсю.⁹³

Довольно трудно сказать, насколько сильна была власть Бимиху как жрицы—правительницы. Существование наследных правителей в западных частях государства и соправителя «мужчины—младшего брата» указывают на ограниченность этой власти.

Многие исследователи отмечают достаточную автономию общин во внутренних делах⁹⁴; в каждой общине должностные лица назывались по-своему, а при этом расстояния между Ито, На и Фуми, например, не превышали 50—60 км⁹⁵. Эти должностные лица исполняли свои обязанности совершенно свободно и даже передавали свои функции по наследству.⁹⁶

Анализ должностных званий членов государственного аппарата Нюй-ван-го дает возможность предположить существование двух путей формирования этого аппарата: во-первых, из общинной знати (местные названия должностей) и, во-вторых, из сословия неполноправных свободных (единые должностные звания видимо, установленные центром) (см.: [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Дуйма — Йематай]). Кроме того, в тех владениях, где сохранились должности наследных правителей, должностные лица, очевидно, обладали правом контроля над местным «ваном», если были лицами, назначаемыми главой Нюй-ван-го.⁹⁷ По всей видимости, должностные лица, ведавшие внутренними административными делами владения, пользовались самостоятельностью. В этих владениях власть наследственных правителей слабела, а реальная власть должностных лиц росла. Недостаточность сведений в источниках о правителях большинства владений возможно, связана с потерей ими авторитета.⁹⁸

Наиболее разветвленный аппарат управления был в общине Ематай, где находилась резиденция государя—женщины. Здесь было четыре, вероятно, высших должностных лица. В порядке убывающего старшинства это: и-чжи-ма (яп. и-си-ма), ми-ма-шэн (яп. ми-ма-ну), ми-ма-хо-чжи (яп. ми-ма-ка-си), ну-цзя-ти (яп. ну-ка-тэ") [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йематай]. Об их функциях в источнике ничего не говорится. Палеолингвистический анализ показывает, что эти слова в качестве географических названий и местных имен встречаются в «Фудоки», «Кодзики» и «Нихон-сёки». Практически все исследователи читают названия должностей чисто фонетически, пытаясь найти какие-нибудь соответствия в японском языке. Отчасти это удается, отчасти нет. И проблема заключается в том, что некоторые термины звучат по-китайски и по-японски абсолютно

по-разному (например: чиновник в Иду-го — кит. «эр-чжи», яп. «ники»), некоторые звучат похоже (кит. «би-гоу», яп. «би-ко»), а часть должностных званий переводят по значениям иероглифов («ван», «и-да-шуай», «да-во»). Но даже если и признать, что все термины записаны фонетически, то и здесь нужно учитывать, что при записи могли использоваться не случайные знаки, а могла иметь место попытка через иероглифы передать значение слова или функции должности, так как для китайцев иероглифический знак не просто запись звуков, но и определенный символ, имеющий смысловую нагрузку. Кроме того, часто упускают ещё один момент: произношение иероглифов в период Хань и Вэй не совпадает с современными чтениями¹⁰¹. То же самое можно сказать и о древнеяпонском языке. Это обстоятельство безразлично при переводе значений, но очень важно при фонетической реконструкции.

Если попытаться перевести должностные звания через значения их иероглифов, то получится следующая картина: и-чжи-ма — «начальник военного отряда задержки (преграждения пути)»; ми-ма-шэн — «восполняющий лошадей [за счет] захваченной (собранной) части (имущества)»; ну-цзя-ти — «наилучший переводчик (толмач), (для языков западных инородцев-) рабов». То есть «и-чжи-ма» мог выполнять функции начальника гвардий (дворцовой стражи), о которой сообщается в «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимику; Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Бимику]; «ми-ма-шэн» занимался комплектацией войска лошадьми и (возможно) другим снаряжением; «ми-ма-хо-чжи» — занимался имуществом, захваченным в качестве трофеев и, может быть, дани с зависимых территорий; «ну-цзя-ти», как видно из последнего иероглифа, был переводчиком (или главой переводчиков) с языков западных инородцев (корейцев?), которые могли быть и в составе пленных (шэнкоу) и рабов (ну), а также главой переводчиков для дипломатических миссий. В общем, видимо, это были крупные чиновники.

Кроме упомянутых должностных лиц, в Нюй-ван-го существовал особый наместник «и-да-шуай» (яп. ити-дай-соцу) — дословно «великий предводитель», резиденция которого находилась в Иду-го, на северо-западном побережье Кюсю. Он был «специально установлен... для надзора за вассальными владениями. Вассальные владения страшатся его» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Поскольку Ематай имело выход лишь к заливу, глубоко заходящему в остров (залив Симабара), оно было заинтересовано в гаванях, стоящих на побережье Кюсю, открытого к морю в северной и западной частях. Такие гавани находились в Иду-го¹⁰². К тому же здесь были расположены общины, имевшие наследственных правителей (ванов): Дуйма-го (о. Цусима), Ида-го (о. Ики) и Молу-го (яп. Мацурокуни). Гавани на побережье, обращенном к Корее, островам Цусима и Ики — были очень важны для связей с Кореей и Китаем, для внешнеполитической деятельности и для организации межрегионального обмена¹⁰³. Кроме того, в Иду-го «...имеется похожий на “цыши” (губернатора) правитель (ван), [который] посылает послов посетить столицу [Вэй] и область Дайфан» в Корее [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 5—6]. Сюда же в Иду-го прибывали посланники с континента для аудиенции у главы Нюй-ван-го: «Послы от областей [Дайфан, Лолан и Ляодун?] и от всех владений (го) [Сам-]хан [в] Японии (Во-го), все, прибыв в гавань [Иду-го], [всё] досконально разузнают и заявляют [о себе], передают и посылают служебные письма (официальные документы) и подарки, [чтобы] представиться (явиться) к государю-женщине, [в этом случае] не должно быть ошибки» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 6—8]. Поэтому в силу важности этого района, как сообщает источник, «к северу от владения

государя-женщины», то есть в Иду-го, и был посажен «великий предводитель» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, и-да-шуай; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 4—5]. Кроме контроля за данным регионом, «великий предводитель» выполнял также функции военачальника¹⁰⁴ и контролировал связи с континентом (внешнеполитическая функция). К тому же, исследователи усматривают определенную связь между созданием должности «и-да-шуай» и контролем за рынками владений.

В Иду-го, кроме «великого предводителя» и местного правителя, имелись еще три правительственных чиновника: старший — «эр-чжи»; его помощники — «и-мо-гу» (или: «сйе-мо-гу») и «бин-цюй-гу» (по-японски: ни-ки/дзиси, сима-ко/сэ-цу-ма-ко и хэй-кё-ко соответственно¹⁰⁵). Ни в одном владении, кроме Ематой (четыре чиновника), такого количества должностных лиц не называется. [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Иду]. К тому же, судя по тому, что здесь употреблены местные названия, на должности назначались представители местной знати. Этим еще раз подчеркивается большое значение Иду-го в системе Нюй-ван-го и достаточно самостоятельное его существование.

Никто из исследователей не пытался определить функции чиновников Иду-го, указываются лишь их параллели (в японском произведении) в «Фудоки» и «Нихон-сёки»¹⁰⁶. Так как их фонетическое звучание по-японски и по-китайски сильно расходится, то можно сделать предположение, что это не фонетическая запись, а попытка передать значения названий; тогда получится: «эр-чжи» — «ваша опора», «и-мо-гу» («се-мо-гу») — «Объявляющий (во всеуслышание) предначертания [чиновник с] дощечкой для письма». Интерпретация полученных переводов достаточно сложна. Можно предполагать, что «эр-чжи» был главой аппарата управления в Иду-го и вторым лицом после вана Иду-го (отсюда название «ваша опора», то есть опора вана); «и-мо-гу» («се-мо-гу») мог возглавлять нечто вроде канцелярии вана Иду-го, а «бин-цюй-гу» — выполнять какие-нибудь охранные функции. Два последних чина рассматриваются как чины восточных варваров¹⁰⁷. В них обоих присутствует иероглиф «гу» (а также в названии чина «сы-ма-гу» в Ну-го), который может быть истолкован как знак, обозначающий чиновника по одному из его атрибутов («[гранёной] дощечке для письма» — кит. гу). Можно предполагать, что эти должностные лица были чиновниками достаточно высокого ранга.

По-видимому, в каждую общину, вошедшую в федерацию Нюй-ван-го, для контроля за делами на местах посылались чиновники, по два—три человека в каждую общину. Возможно, они назначались из местной знати (кит. тайжэнь, яп. о-бито) — видимо, в тех случаях, когда употребляются местные названия должностей. Во владениях Ики и Цусима, имевших своих государей (ван), главный чиновник из центра назывался «би-гоу» (яп. хикю, бигу), а его помощник «би-ну-у-ли» (яп. хинубори, хинумори) (последний был также в Ну-го и Буми-го). В общине Мо-гу чиновники не упоминаются, но, исходя из близости и сходства положения (имеют вана), можно предполагать, что и тут чиновники назывались «би-гоу» и «би-ну-у-ли» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Дуйма-Мо-гу].

Основываясь на единстве должностных званий, исследователи считают, что это были присылаемые непосредственно правительницей Нюй-ван-го чиновники, назначаемые для контроля за главами общин.¹⁰⁸ Дословный перевод терминов «би-гоу» и «би-ну-у-ли» очень сложен, хотя и может указывать на происхождение людей, занимавших эти должности, из слоя неполноправных свободных и на то, что они чужие (приехавшие сюда) люди. Исследователи обычно читают «би-гоу» как «хико»¹⁰⁹, что может быть истолковано как «знатный человек, принц»,

«Би-ну-у-ли» в форме «хинамори» встречается в древнеяпонском языке (в «фудоки» и «Нихон-сёки») и означает «обороняющий область»¹¹⁰, что говорит о том, что может быть, эта должность была связана с выполнением каких-то военных функций, как считают — надзор и оборона приграничных и прибрежных территорий¹¹¹.

В общинах Ну-го и Буми-го старшие чиновники имели местные названия: «сы-ма-гу» и «до-мо» соответственно, но их помощники назывались титулом «обороняющий область» (кит. би-ну-у-ли, яп. хинубори) [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Ну-го, Буми-го]. «Сы-ма-гу» считается чином восточных варваров.¹¹² Первые два иероглифа иногда трактуют как «главноуправляющий военной частью», «воевода, начальник войскового приказа» — термин, который встречается ещё в «Ши-цзи».¹¹³ Но в термине «сы-ма-гу» иероглиф «сы» имеет иное начертание («однорогий буйвол, носорог [самка]). Кроме того, здесь присутствует знак «гу», который может указывать на должность чиновника (то есть назначаемого лица). Однако, тем не менее, и в случае дословного перевода знак «ма» переводится как «начальник военного отряда». Таким образом, «сы-ма-гу» можно перевести как «начальник военного отряда “сы” — “однорогих буйволов” — [чиновник] с дощечкой для письма».

«До-мо» (яп. та-мо) переводится как «образец (достойный подражания), которым восхищаются (многие)», «многообразный», «тот кому многие подражают», что ничего не дает для характеристики его функций. В научной литературе нам нигде не встречались попытки толкования и интерпретации терминов «сы-ма-гу» и «до-мо».

В общине Тоума-го, как одной из самых удаленных («водою ехать 20 дней» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Тоума-го]), существовал отличный от других общин чиновничий аппарат: старший чиновник (ми-ми) и его помощник (ми-минали) носили местные титулы; эти названия в качестве имен и названий местностей встречаются в «Нихон-сёки» и «Фудоки»¹¹⁴. Буквальный перевод «ми-ми» — «полным-полно», «многоводный», что можно интерпретировать как «[тот, у кого всего] полным-полно»; эти два иероглифа повторяются в названии второго чиновника, таким образом знаки «на-ли» означали помощника, заместителя «ми-ми», хотя «на-ли» могут иметь и самостоятельный перевод.

Каких чиновников имели двадцать общин к северу — между Ематай и Ну, не говорится. Есть только общая фраза: «Старшие и младшие имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во].

Кроме того, упоминается еще одна интересная должность: «Во всех владениях имеются рынки, есть ли, нет ли торговали, велят контролировать /их/ даво» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Иероглифы «даво» можно перевести как «великий во», то есть «знатный человек [дажэнь] из народности во» (или: в стране Во).¹¹⁵ Среди исследователей есть определенные расхождения во взглядах на то, что назначал «даво» — одни предполагают, что его присылала женщина-государь, другие — правители владений сами назначали «даво» на своих рынках. Как считают, «даво» должен был следить за порядком на рыночном месте и осуществлять суд по искам в судебном процессе в связи с торговыми делами.¹¹⁷ Или же: правитель каждого владения собирал налоги, хранил их в амбарах, а также взимал торговый налог, поручая чиновнику «даво» надзирать за рынками.¹¹⁸

Содержался весь этот государственный аппарат за счет государственного сектора, вывод о существовании которого в форме храмовых земель можно сделать на основании упоминаемых в источниках «священных полей». Но в Японии этого периода государственный сектор не мог быть достаточно мощным

(в связи с тем, на каком этапе развития древнего общества возникает государственность на Кюсю), поэтому важную роль в доходах государства должны были играть налоги. Подати и налоги собирали уже, видимо, в конце II—III веках н.э.: «Собираются подати и налоги» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Судя по употребленным в «Вэй-чжи» иероглифам «цзу-фу», речь идет о земельном и других видах налогов, различного рода обложениях, и податях, а также выполнении трудовой и военной обязанностей, дарах отдельных местностей. Для хранения этих продуктов существовали, судя по использованным в «Вэй-чжи» иероглифам, специальные государственные склады при резиденциях подвластных правителей общин (владений) — «ди-гэ» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 266 (4а), 3—4]. Естественно, при государственных складах должны были быть должностные лица. Поэтому некоторые исследователи, основываясь на китайских источниках, осмысливают «дигэ» (яп. тэйкоку) как «хранителей амбаров».¹¹⁹

Сбор налогов требовал чиновников со специальной подготовкой, умеющих считать и писать. В Японии сложилась древняя десятиричная система счета, названия цифр которого от одного до десяти сейчас имеют ограниченное употребление (хито, фута, ми, ё, и, му, нана, я, коко, то). Далее счет мыслился как «10 на 10» и т.д., причем для чисел 100 (момо), 1000 (ти), 10000 (ёродзу) имелись особые термины. Для более крупных величин основой служило понятие 10000.¹²⁰

Что касается письменности, то никаких рукописных трудов того времени от самих японцев до нас не дошло, но в «Вэй-чжи» достаточно много упоминаний о знакомстве людей вожэнь с письменностью и их документах: ««Вэй-люэ» говорит: «По их обычаям не знают правильного года [из] четырех сезонов, только исчисляют весеннюю пахоту [и] осенний сбор (урожая), делают годовые (ежегодные) записи» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26а (3б), 8—9]; «Посланники от областей [Дайфан и Лолан] и от всех владений (го) [Сам-]хан [в] Японии... передают и посылают служебные письма (официальные документы)...» [Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26б (4а), 6—7]. В 238/239 году, в 12-ю луну, император Вэй отправляет письмо к Бимиху, то же самое повторяется в 240 году, причем в ответ «японский государь вследствие этого отправил поднести доклад...» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 год, 12-й месяц; 240 год]. Как видно из сообщения источника, японцы знали китайскую письменность и, видимо, язык, так как это было необходимым условием дипломатической деятельности. Может быть, что редкие письменные документы, составленные на бумаге (а в то время бумага уже была изобретена и использовалась при письме), попросту не сохранились и, таким образом, не дошли до нас, а впоследствии этот навык был на время утрачен. Но сообщения китайских хроник указывают на хозяйственную и государственную потребность в письменности, в частности, для внешних связей.

Характеристика становления ранней государственности в Японии не может обойти еще один из важных признаков возникновения государства — право. Китайские источники сообщают следующее: при Бимиху «законы и обыкновения были строги» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху]. Здесь четко видно противопоставление закона и (правового) обычая — «обыкновения». Проблема существования письменного права упирается в проблему письменности, так как формальными признаками закона являются, во-первых, обязательная письменная форма (в отличие от обычая, который функционирует изустно) и, во-вторых, закон исходит от органов власти или проходит через орган власти (получает санкцию государства — в отличие от обычая, который складывается непосредственно в повседневной жизни, в практике людей). Если вопрос о письменности решится положительно, то мы будем иметь основание, исходя из формальных

признаков закона, утверждать, что вышецитированная фраза из «Хоу-хань-шу» указывает на существование как законов (письменного права), так и правовых обычаев (обычного права). В противном случае исследователи могут говорить лишь об обычном праве, которое в эту эпоху было тесно связано с верованиями. Китайские источники не разъясняют, что считалось законом (кит. фа) у вожэнь. Видимо, важным источником норм являлась воля правителя.¹²¹ Известны отдельные моменты правовых норм вожэнь: «Воровства нет. Мало споров и тяжб. У преступников отбирают жену с детьми в неволю; за важные преступления истребляют весь дом» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)]. «Не воруют, мало тяжб (судебных споров); [что касается] их правонарушений, [то] у легких [преступников] берут в казну (конфисковывают) их жен [и] детей; у тяжелых [преступников] уничтожают (истребляют) их семью и кровный род» /Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 26б (4а), 1 —2/; «Нет споров. У совершивших легкий проступок берут в казну его жену и детей. У преступников, совершивших тяжелый проступок, уничтожают весь его род» [Цзинь-шу, гл. 97, Во-жэнь]. При описании ситуации в области права в Японии китайцы употребляют такие сложные термины, как «тяжба» (чжэн-сун), «нарушение закона (правонарушение)» (фань-фа), «судебный процесс» (сун), что конечно же обращает на себя внимание.

Нью-ван-го почти сразу после образования начало проявлять внешнеполитическую активность: «в 173 году, «летом, в пятом месяце, правительница Вэ Бимиху, прислала с визитом посла» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Адалла, 20-й год (173 г.); Самкук-саги, Силлаги, с. 68, 6]. В 193 году «в шестом месяце люди Вэ сильно голодали, поэтому более тысячи человек их прибыло [в Силла], прося еды» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Порхю, 10-й год (193 г.)]. В 208 году была предпринята какая-то военная операция в Южной Корее: «Летом, в четвертом месяце, на границу напали люди Вэ, [поэтому] для отражения их послали ибольчхана Лиыма с войсками» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Нэ-хэ, 13 год (208 г.)].

Ситуация же для установления связей нового объединения — Нью-ван-го и Ханьского Китая была не совсем благоприятной из-за внутренних неурядиц в «Срединной империи». В этой ситуации контроль центра над китайскими владениями в Корее ослаб. В 189 году хоу (начальник) округа Ляодун Гунсунь Ду, основатель династии Гунсуней, объявил себя независимым правителем (му) области Ляодун и начал расширять свои владения. Вскоре он подчинил округа Лолан и Сюаньту,¹²² а на пустующих землях Лолана создал округ Дайфан, «...после этого Во (Япония) и Хань (Южная Корея) последовательно подчинились Дайфану...» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Хань, 196—220 годы]. Как считают исследователи, это произошло в 204 году.¹²³ Из цитаты видно, что страна Во «подчинилась» (кит. шу), то есть прислала, видимо, посольство с подарками—подношениями («данью») к Гунсуням.

В 232 году, а затем в 233 году японцы предприняли две крупные военные операции в Силла — видимо, Нью-ван-го достаточно окрепло и могло осуществлять в Южной Корее крупные военные операции: перебрасывать на кораблях большие контингенты войск, проводить осадные мероприятия. Возможно, японцы действовали, опираясь на свою базу в Куя (кит. Гоусйе) [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Нэ-хэ, 3-й, 4-й годы (232, 233 годы)].

О действиях в Корее источник сообщает следующее: в 232 году, «летом, в четвертом месяце, [в Силла — С.Д.] внезапно пришли люди Вэ и окружили Кымсон [столицу Силла — С.Д.], поэтому ван [Нэ-хэ — С.Д.] лично вышел на бой и отогнал врагов, а для преследования их выслал легкую конницу. Убито и

захвачено в плен более тысячи степеней». В следующем — 233 году — военные действия японцев в южной Корее продолжились: «В пятом Месяце войска Вэ разграбили восточную окраину. Осенью, в седьмом месяце, когда ичхан Уро сражался в [крепости] Садосон против людей Вэ, воспользовавшись направлением ветра, он пустил огонь и поджег корабли [японцев — *С.Д.*]. Враги бросились в воду и погибли» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Нэ-хэ, 3-й, 4-й годы (232, 233 годы)].

В 238 году новая северо-китайская династия Вэй, возникающая на развалинах династии Хань, решила восстановить контроль над владениями в Корее, для чего сюда была отправлена крупная экспедиционная армия. Владение семьи Гунсуней было ликвидировано [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, С.1а]¹²⁴, а на их землях — созданы новые округа: Ляодун, Чанли, Сюаньту, Дайфан, Лолан [Цзинь-шу, гл. 14, С.11 б]¹²⁵. В этот, уже вэйский, Дайфан и прибыло посольство из Нюй-ван-го, во главе с «дафу» Наньшэнми «с просьбой разрешить явиться к Сыну Неба и представить дань» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 год, 6-й месяц; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цюань 30, С. 27а (4б), 9—10]. В разделе о вожэнь это событие ошибочно датировано 2-м годом Цзинчу (238 год, 6-й месяц, то есть за два месяца до начала военной операции Вэй против Гунсунь Юаня, что явно является ошибкой, так как должен быть «3-й год Цзинчу» (239 год) — именно так записано в «Нихон-сёки», где цитируется данное место из «Вэй-чжи») [Нихон-сёки, свиток 9-1, Дзингу, 39-й год; Nihongi, IX, 25].

В 12-м месяце этого же года японское посольство прибыло в столицу Вэй — Янь-цзин (Пекин).¹²⁶ Император Мин-ди принял Наньшэнми и второго посла Души Нюли, выслушал их доклад, взял подарки от Бимиху — 4 мужчин — «шэнкоу» и 6 женщин — «шэнкоу», «различного цвета холста 2 куса длиной в 2 сажени, — и был очень растроган [Сань-го-чжи, Вэй-чжи гл. 30, 238 год (239 год), 12-й месяц]. Династия Вэй не только признала Бимиху — «любящей Вэйскую династию», пожаловав золотую печать с фиолетовой кистью и включив этим страну Во (Японию) в свою политическую систему зависимых государств, но и пожаловала посла китайские титулы вместе с серебряными печатями с темными кистями; о чем Бимиху было сообщено письменно и с соответствующими подарками [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 238 (239) год, 12-й месяц, письмо Мин-ди]. В период с 240 по 247 годы происходил активный обмен посольствами Нюй-ван-го и Вэй (в 240, 243, 245, 247 годах) — в числе подарков от Во опять были «шэнкоу». Вэй даровала печати и разные ценности [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 240, 243, 245, 247 годы].

Кроме Нюй-ван-го, где-то на Среднем Кюсю существовало ещё во II веке государственное образование Куна-куни (кит. Гоу-ну-го). Китайцы сообщают, что, «хотя жители [Гоу-ну-го] принадлежат к японскому племени, но не подвластны царю-женщине» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, Гоу-ну-го]. Но это государство не вступало в контакты с Китаем, и поэтому сведения о Куна очень скудны. Некоторые исследователи связывают его с аустронезийским компонентом кумасо (рассматривая Куна-куни как Кумасо-куни на Южном Кюсю)¹²⁷. Известно, что во главе Куна стоял правитель (ван), существовал чиновник «гоу-гу-чжи-би» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Гоу-ну-го].

Кроме того, упоминается какое-то государство Чжу-жу-го (досл. «Страна [община] лилипутов») на островах Рюкю; и есть какой-то неоднозначный намёк на северные общины [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во); Сань-го-чжи, Вэй-чжи, 30, Во]. Возможно, подразумевались общины Северного Кюсю, подвластных Нюй-ван-го, правителям которых из Ематай посылалось оружие как знак власти,

подчеркивая ее законность и зависимость самих общин.¹²⁸ А, возможно, эти сведения источников указывают на гражданские общины, возникшие в Идзумо и Кинай: эти общины Западной и Центральной Японии, возглавляемые правителями-жрецами «хофури» (досл. «резатель») [Нихон-сёки, свиток 3-й, Дзимму; Nihongi, III, 4-8] – Идзумо-но куни, Киби-но куни и общины в Кинай. По крайней мере, китайский источник, описывая Японию, сообщает: «Японцы... по гористым островам образуют уделы [кит. го-и — С.Д.]» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 236 (1а), 6]. Термин источника «го-и» (яп. коку-ю), переведенный как «удел», с самого начала прилагался китайцами к территориям, где правили местные династии.¹²⁹

В середине 40-х годов III века н.э. начинается открытая борьба между Нюй-ван-го и Гоу-ну-го: в 247 году «японский государь-женщина Бимиху вместе с государем-мужчиной страны Гоуну Бими-гун Хуси не были в мире...». Для того, чтобы получить помощь и поддержку от Вэй, Бимиху послала «цзай-сы» (должность, связанная с заключением договоров) Уюэ и других в Дайфан, дабы «договориться о совместном нападении на Куна. Согласие было получено, из Китая прибыл специальный посол, но в это время Бимиху умерла [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 год].

Ход войны с Куна нам не известен, и, хотя об этой стране в источниках больше ничего не говорится, Нюй-ван-го, вероятно, не удалось достичь решающих успехов. Победе над Куна должны были помешать внутренние распри, возникшие после смерти правительницы: когда на престол был избран государь-мужчина (нань-ван), то «в стране не подчинились, опять друг друга убивали, в то время убили тысячу человек» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 год]. В результате недолгой борьбы за власть на престол возвели «побочную дочь» (цзун-ньюй) Бимиху по имени Июй тринадцати лет отроду, «в стране затем все пришло в порядок» [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл.30, Во, 247 год; Вэй-чжи (-вожэнь-пу), цзюань 30, С. 286 (6а), 7—8]. Июй не могла быть ребенком женщины, всю жизнь проведенной в безбрачии, но бесспорно одно — в Нюй-ван-го (в Ематай) определился клан, поставляющий правителей.¹³⁰ На это указывает и термин «цзун-ньюй» («дочь члена императорской фамилии [рода]»). Последовательный приход к власти двух правительниц не является чем-то необычным для Кюсю: сведения о женщинах-правительницах в этом регионе не редкость. В так называемый легендарный период на Кюсю, по «Нихон-сёки» и «Фудоки», правили женщины-вожди еще до середины IV века н.э. (времени похода правителя Ямато Кэйко)¹³¹.

Возраст правительницы Июй свидетельствует в пользу того, что она явно являлась ставленницей общинной знати, различные группировки которой, не сумев в открытой борьбе за власть захватить трон, «поставили» (выбрали) удобного кандидата — Июй, при которой влиятельные лица, оставаясь в тени, Имели, тем не менее, реальные властные полномочия для управления страной.

Взойдя на престол, Июй вместе с китайским послом, привезшим согласие Вэй на военный союз, отправила к вэйскому двору Посольство с подарками, (в том числе 30 «шэнкоу») [Сань-го-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 год]. На этом повествование «Вэй-чжи» обрывается.

Из «Самкук-саги» известно, что в 249 году «летом, в четвертом месяце, люди Вэ убили сабульгама Уро» [Самкук-саги, летописи Силла, кн. II, Чхом-хэ, 249 год]. «Тонгук-тонгам» добавляет: «[Люди] Ва вторглись в Силла и убили Уро за то, что он насмехаясь, сказал японскому Послу: “Рано или поздно мы сделаем вашего правителя нашим соляным рабом, а вашу правительницу нашей кухонной девкой». Когда правитель Ва услышал это, он послал своего военачальника Уто-тю

вторгнуться [на территорию] Силла. Правитель [Силла] выступил [в поход] и остановился около Ючхона...» Уро, зная свою вину, сдался японцам. «Люди Ва схватили его и навалили кучу дров, на которой они сожгли его до смерти; и затем ушли». В качестве мести жена Уро сожгла японского посла. «[Люди] Ва, взбешённые этим, осадили Кымсон [столицу Силла], но вынуждены были убраться ни с чем»¹³²

Как мы видим из отрывка; здесь упоминаются правительница Ва — это", несомненно, Июй; и правитель Ва, то есть мужчина, выполнявший при пятнадцатилетней в то время уже девушке роль помощника в управлении (как младший брат Бимиху).

В 265 году династия Вэй пала, Сыма Янь (император У-ди, 265—290 годы) основал династию Западная Цзинь (265—316).

В начале годов правления Тайши (265—275), во 2-й год Тайши¹³³ (266) Во сделали попытку вступить в контакт с новой династией: «В начале годов правления Тайши (цзиньского императора У-ди, 265—276) прислали посла в качестве переводчика и представили дань» [Цзинь-шу, гл. 97, Во-жэнь, годы Тайши]. В «Нихон-сёки» цитируются более точные сведения: «...этот год [был] вторым годом [периода] Тайши императора У-ди династии Цзинь: «В 10-й месяц 2-го года Тайши императора У(-ди), женщина-государь [страны] Во прислала переводчиков [с] данью» [Нихон-сёки, свиток 9-й, Дзингу, 66-й год; Nihongi, IX, 33]. Все исследователи сходятся на том, что данная женщина-государь была Июй¹³⁴, которой в это время было около 31 года. Вероятно, по каким-то причинам — может быть, из-за сложной внутренней ситуации в Китае (к тому же, в 280 году Сыма Янь начала проведение сложной реформы по введению надельной системы), но таких дружеских отношений, как с Вэй, не возникло, поэтому китайские летописи ничего больше не сообщают о Японии вплоть до начала V века н.э. Вышеупомянутая фраза из «Цзинь-шу» была последним упоминанием о государствах Северного Кюсю III века н.э.

Падение сначала династии Вэй (в 265 году), а затем династии Западная Цзинь (в 317 году) и перенос политического центра на юг в Цзянь-кан (Нанкин) новой династией Восточная Цзинь (317 — 420 годы) разрушили одну из внешнеполитических опор Нюй-ван-го (Ематай) и облегчили как действие местных центробежных сил, так и действия соседних государств¹³⁵ — возможно, еще существовавшего государства Куна — старого врага Ематай (Нюй-ван-го), и нового возникшего на рубеже III—IV веков — государства Ямато (в Кинай), которое после падения Западной Цзинь (в 317 году) во второй четверти IV века н.э. захватило Кюсю.¹³⁶

В процессе развития классового общества в Японии в I веке до н.э. — III веке н.э. идет формирование государства типа гражданской общины — характерного для раннерабовладельческого общества. В системе органов государственной власти ещё нет особого от самой общины аппарата принуждения, но вместе с тем активно идет процесс отделения власти от самого народа. Об этом говорит прекращение функционирования народного собрания, утверждение наследственного принципа передачи власти вана, власти, которая опиралась на сложившуюся к этому времени общинную знать. Эта политическая система была приспособлена к осуществлению принуждения по отношению к тем, кто был за рамками общинной организации — рабам, чужакам, из которых формируется класс эксплуатируемых производителей.

Объединение сложившихся гражданских общин вызывает потребность в создании надобщинного аппарата управления, который формируется правителем

уже на административном принципе, что приводит к еще большему обособлению власти. Но функции центрального аппарата монарха были только контролирующими, поскольку ни о каких войсках правителя, отличающихся от ополчения общинников, источники не сообщают, не менялась и система органов управления общин; вошедших в объединение. Гарантией автономии гражданских общин внутри федерации было их ополчение, защищавшее верховную собственность общины на землю.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII в.в. М.: Наука, 1980. С.163.
2. *Воробьев М.В.* Древняя Япония. М.: Изд. вост. лит., 1958. С.40.
3. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII в.в. С.162.
4. Перевод этого норито см. также: Культурная поэзия древней Японии /пер. Н.А.Невского // Восток. Литература Китая и Японии. М.—Л., 1935. С.15-30.
5. Recent archaeological discoveries in Japan. Tokyo, 1987. P.46.
6. Ibid., *цубо* = 3,3 кв.м.: См. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII в.в. С.162.
7. Japan: its land, people and culture. Tokyo, 1958. P.15; Recent archaeological discoveries in Japan. P.46; See: P.47.
8. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII в.в. С.162. *Хаяма У.* Япония. М., 1936. С.18.
9. *Хаяма У.* Япония. С.18.
10. Кит. го — государство, царство, княжество; удел, город-государство. — Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т.II. С.684; *Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын И.М.* История Японии. М.: Высш. шк., 1988. С.15.
11. История древнего мира. М.: Наука, 1982. Т.I. С.155.
12. Там же. С. 155.
13. *Негря Л.В.* Общественный строй северной и центральной Аравии в V-VII вв. М.: Наука, 1981. С.98.
14. *Шилок Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. Свердловск. Изд. УрГУ, 1982. С.12, 57.
15. Досл. «рисовое поле бога [вождя]».
16. См. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшее время. М., 1950. Т.2. С.34.
17. Большой китайско-русский словарь. Т.III. С.53.
18. Там же. Т.I. С.811.
19. Цит. по: *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С.246.
20. Цит. по тексту ксилографа в книге: *Хасимото М.* Тоё-си-дзе-ёри митару Нихон-дзё-ко-си-кэнкю. Токио: Тоё-бунко, 1956.
21. *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М.: Наука, 1984. С.241.
22. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.86.
23. *Сьма Цянь.* Исторические записки (Ши-цзи). М.: Наука, 1984. Т.III. С.936.
24. Большой китайско-русский словарь. Т.IV. С.357; Т.III. С.626.
25. См. *Ильин Т.Ф.* Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // Вестник древней истории. М., 1983, №3. С.20; *Дьяконов И.М.* Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. М., 1963, №1. С.20, 21, 19, 29, 33—34. История древнего мира. М.: Наука, 1982 или 1989. Т.I—III.
26. *Шилок Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. С.21; *Ильин Г.Ф.* Указ соч. С.29; История древнего мира. Т.I. С.37-38; *Шилок Н.Ф.* Закономерности процесса перехода к классовому обществу и государству // История древнего мира: Древний Восток. Свердловск, 1991. С. 13.

27. *Шиллюк Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. С.21-22; *Шиллюк Н.Ф.* Закономерности процесса перехода к классовому обществу и государству. С. 13.
28. *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.241.
29. Большой китайско-русский словарь. Т.III. С.626; См. также: *Мураяма Кэндзи.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. Токио, 1980. С.76; Нбхон-но акэбоно. Токио, 1959. С.110. *Vargö Lars.* Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. Stockholm. 1982. P.1, 10.
30. Большой китайско-русский словарь. Т.III. С.618; Там же. С.53.
31. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.87.
32. Там же.
33. *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.241.
34. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.88.
35. *Ханин З.Я.* Японские парии // Вопросы истории. М., 1973, №7. С. 132; *Ханин З.Я.* Социальные группы японских париев. М.: Наука, 1973. С.34.
36. *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.86-87; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.242.
37. Большой китайско-русский словарь. Т.II. С.189.
38. См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. С.35; *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.248, 249, 250; *Ханин З.Я.* Японские парии. С. 132; *Ханин З.Я.* Социальные группы японских париев. С.34; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.240; *Нихон-но акэбоно.* С. 17.
39. *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. Т.II. С.35, прим. 3; *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.87; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.242.
40. В истории стран Древнего Востока.
41. Так как способ производства данного общества определяет особый, присущий только данному способу производства тип собственности (прежде всего на основное средство производства – землю), в связи с чем происходит деление общества на различные социально-экономические группы – складывается присущая только данному способу производства сословно-классовая дифференциация.
42. История древнего мира. Т.1. С.37-38; См. также: *Бутинов Н.А.* Первобытный строй: основные этапы и локальные варианты // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С.1-46.
43. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.138.
44. *Конрад Н.И.* Древняя история Японии // Избранные труды: история. М.: Наука 1974. С.21.
45. См.: История древнего мира. Т.1. С.34.
46. См.: *Воробьев М.В.* Древняя Япония. С.57; *Воробьев М.* Япония в III-VII веках. С.234.
47. *Григоренко Б.Г.* О времени и условиях проникновения земледелия в Японию // Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972. С.48; *Иэнага С.* История японской культуры. М.: Прогресс, 1972. С.30.
48. Там же.
49. *Воробьев М.В.* Древняя Япония. С.57.
50. *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. М.: Наука, 1974. С.24.
51. *Светлов Г.Е.* Путь богов. М.: Мысль, 1985. С.27-28.
52. См. например: *Григоренко Б.Г.* Указ. соч. С.47-50.
53. *Шиллюк Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. С.14.
54. См.: *Васильев Л.С.* Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.: Наука, 1986. С.75.
55. *Коростовцев М.* Некоторые теоретические аспекты классового общества // Народы Азии и Африки. 1971, №4. С.67.
56. *Светлов Г.Е.* Путь богов. С. 16.
57. *Хаяма У.* Япония. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 17.

58. Шилюк Н.Ф. Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. Свердловск, 1984. С.3.
59. Там же. С.7.
60. Там же. С.3.
61. Там же. С.4.
62. Шилюк Н.Ф. Закономерности развития рабовладельческого общества. С.22.
63. Цит. по: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. С.34.
64. Нихон-но акэбоно. С.106.
65. Цит. по: Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.223.
66. См.: Нихон-но акэбоно. С. 16; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С.64; Воробьев М.В. Япония в III-VIII веках. С.79; Конрад Н.И. Древняя история Японии. С. 12; Яматай-коку. Токио, 1956. С.7, 8; Aston W.G. Early Japan History // Transaction of the Asiatic society of Japan. Yokohama, 1 889. Vol. XVI, P.41, 55; Kidder J.E. Japan before Buddhism. London, 1959. P.92.
67. Бичурин Н.Я. Указ. соч. Т. II. С.94.
68. Нихон-но акэбоно. С.16; Нихон-дзэнси. Токио, 1958. Т. I. С.294; Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С.65; Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. С.93.
69. Нихон-но акэбоно. С. 16; см.: Воробьев М.В. Печати государства Цзинь // Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1 972. С.83; Джарылгасинова Р.Ш. Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики. М., 1979. С.47—48.
70. Мураяма К. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С.65; Нихон-но акэбоно. С.16; Воробьев М.В. Япония в III—VII веках. С.93.
71. Некоторые исследователи читают иероглиф «шэн» как имя правителя. — Мураяма К. Указ. соч. С.65, 66, 69; Нихон-но акэбоно. С.17, 107; Яматай-коку. С.30.
72. Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. С.79.
73. Яматай-коку. С.32.
74. Там же. С.31-32; Нихон-но акэбоно. С.107.
75. Хиго К. дает датировку «около середины II века н.э.» — Яматай-коку. С.31. Аналогично поступает Хасимото М. — Hashimoto M. Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. Tokyo, 1956. P.7.
76. Или сменившее старый союз во главе с Мянью — общиной, с которой отождествляют посольство 1 07 года некоторые исследователи, или же центр прежнего объединения начала II века н.э. переместился в Ематай. — См.: Нихон-дзэнси. Т. I. С.247; Яматай-коку. С.33; Воробьев М.В. Япония в III-VII веках. С.80; Japan: its land, people and culture. Tokyo, 1958. P.18; Ishii R. A history of political institution in Japan. Т., 1980. P.5.
77. Воробьев М.В. Япония в III—VII веках. С.80. Japan: its land, people and culture. P.18.
78. Большой китайско-русский словарь. Т. IV. С.478, 479.
79. В отношении того, кто такой Пин-гун (и кто его внук) может быть несколько решений: 1) Н.В.Кюннер предполагает, что Бимиху происходила из дома императора ханьской династии Сюань-ди (73-49 годы до н.э.). — Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.257, прим. 51; 2) это может быть Сянь-гун (493—465 года до н.э.), внук (?) яньского Пин-гуна (523—505 года до н.э.), чьи потомки (в период связей Янь и Ва в III веке до н.э.) после разгрома в 222 году до н.э. этого государства государством Цинь могли бежать в Японию. — См.: [Ши-цзи, гл. 34, Янь, 524-465 годы до н.э.] — в кн.: Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи). Т. V. С.86; 3) «Пин-гун» (досл. «князь Пин») — обозначение какого-то местного правителя (кит. гун), рангом ниже вана, из рода которого и происходила Бимиху; 4) может быть, это было придумано китайцами для возвышения роли Бимиху, ее положения, как правительницы Ва, находившейся в дружественных отношениях с Китаем.

80. Нихон-но акэбоно. С. 109; О переводах имени Бимику см.: Там же. С.19, 109; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.63, 95; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира. М.: Наука, 1989. Т.III. С.213; *Aston W.G.* Early Japan History. P.55, n. 22; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P.7.
81. Кит. «ван», как «государыня», по понятиям китайцев, есть супруга государя, а не царствующее лицо. – *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. С.94.
82. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.93.
83. См.: там же; приводятся лишь расстояния, названия чиновников, число дворов; нет сведений о внутреннем положении в этих общинах.
84. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.78.
85. *Исимода Сё.* Нихон-но кодай кокка. Токио, 1971. С.5, 7; Нихон-дзэнси. Т.I. С.248; *Уэда М., Мори К., Ямада С.* Нихон-кодай-си. Токио, 1980. С.77; Нихон-но акэбоно. С.13; См.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.63; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С.213; *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё-но надзо. Токио, 1978. С.132-133.
86. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.96.
87. *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P.7.
88. *Ibid.*, См.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.94.
89. *Кузнецов Ю.Д., Навлицкая Г.Б., Сырицын ИМ.* История Японии. С.19.
90. А у вожэнь существовал матрилинейный род «томо» (*Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С.17), в отличие от патрилинейных родов «хара» у Идзумо. (*Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.58.)
91. См.: *Довгяло Г.И.* К истории возникновения государства: на материале хеттских клинописных текстов. Минск, 1968.
92. *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С.17; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. Токио, 1983. С.83; *Мори К.* Нихон синси. Токио, 1962. С.266.
93. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.56.
94. Там же. С.91, 94, 98; *Воробьев М.В.* Некоторые формы зависимости в древней Японии. С.241.
95. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.96.
96. Там же. *Хасимото М.* Тоё-си-дзё-ёри митару Нихон-дзё-ко-си-кэнкю. С. 192—198.
97. *Яматай-коку.* С.136; *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн кэйсэй тю рон. С.113-114.
98. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.98.
99. Японское прочтение терминов по книге: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.96.
100. Там же. См.: Нихон-дзэнси. Т.I. С.300.
101. См.: *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М.: Наука, 1989; особенно С.676-724.
102. *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.97.
103. Там же.
104. *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн кэйсэй тю рон. С.1 13.
105. См.: *Яматай-коку.* С. 135.
106. Там же.
107. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.243, прим. 24.
108. *Яматай-коку.* С. 136, 137-138; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С.98.
109. *Яматай-коку.* С. 138.
110. Там же. С.131; *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн кэйсэй тю рон. С. 113-114; *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.97.
111. *Ямао Ю.* Указ. соч. С-113.
112. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.243, прим. 24, 25. 113. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время. Т.III. С.288; Большой китайско-русский словарь. Т.III. С. 104. *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши-цзи). Т.I. С.424. Т.II. С.563. Т.III. С.660. 114. *Яматай-коку.* С. 134.

115. Там же. С. 140; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P.5.
116. *Исимода Сё.* Нихон-но кодай кокка. С.9; *Ibid.*
117. Яматай-коку. С. 140.
118. *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.97.
119. Там же.
120. См.: Там же. С.225.
121. Там же. С.99.
122. *Бутии Ю.М.* Корея: от Чосона к Трем государствам. Новосибирск: Наука, 1984. С.36; см.: *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн кэйсэй тю рон. С.72; *Мори К.* Нихон синси. С.178; Яматай-коку. С.71.
123. *Бутии Ю.М.* Указ. соч. С. 10; *Ямао Ю.* Указ. соч. С.114.
124. Цит. по: *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С. 227.
125. Цит. по: *Бутии Ю.М.* Указ. соч. С.53; см. также: *Ямао Ю.* Нихон кодай окэн кэйсэй тю рон. С.114.
126. *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.80—81.
127. *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P.6.
128. *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии АН СССР. М.,—Л., 1961. Т.LXXIII. С. 145.
129. См.: *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.89—90.
130. Там же. С.94; см.: *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 147-148, 153-154; *Ямао Ю.* Указ. соч. С.69; *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P.7; *Young J.* The Location of Yamatai. Baltimore, 1958. P.34.
131. *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 94, см.: С.95.
132. *Nihongi.* London, 1956. P.235, note 1.
133. *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.82; *Мори К.* Нихон синси. С.176.
134. *Воробьев М.В.* Япония в III—VII веках. С.82; *Хора Т.* Яматай-дзёококу-но мэцубо // Нихон-рэйси. Токио, 1954. №68, С.7, 8; Нихон-но акэбоно. С.18; Нихон-дзэнси. Т.1. С.296; *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё-но надзо. С.162, 183-184; Бураку-си-ни кансуру соготэки кэнкю. Токио, 1956. Т.1. С. 18.
135. *Воробьев М.В.* Указ. соч. С.82; *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P.7.
136. *Воробьев М.В.* Указ. соч. С.94.

THE EMERGENCE OF THE SLAVE-OWNING STATE IN JAPAN (I c. B.C. – III c. AD.)

D. A. Suroven

This article reports on the origin of class society and state formation in Japan.

The author analyzes the causes for the social differentiation in «vozhen» communities in the beginning of our era. He says, the social status of people was marked by tattoo in the beginning of the first century, A.D. The scientist distinguishes primary causes for the emergence of monarchal rule and describes the phenomenon of female rulers in the Japanese states. The author analyzes the specific features of class society development in Japan. He comes to the conclusion, that between the first century B.C. and the third century A.D. the formation of the civil community state was under way. It was a typical development in the early slave-owning period, when the state had no specific paraphernalia for oppression, but power was being alienated from the people.